

(´□ω□`)

Он прочистил горло, привлекая внимание пожилого мужчины с белыми волосами (Джирайя, как он помнил) и Наруто. Тот практически швырнул дрожащую девушку в сторону Наруто, и Наруто легко поймал ее. Глаза Наруто расширились, и он потребовал от Сасукэ рассказать, что произошло.

Какаши учит меня Чидори.

В глазах Наруто вспыхнуло понимание, а в глазах Джирайи мелькнуло замешательство.

Мивако прижалась к Наруто и тихо дрожала. Наруто погладил ее по голове и присел, пытаясь утешить. Сасукэ разрывался между тем, чтобы подойти к девушке и просто уйти.

В конце концов он решил подойти к ней, погладить по голове, придумать какое-нибудь оправдание и уйти.

Однако когда он подошел к ней, ее рука вырвалась и вцепилась в его руку, и Сасукэ каким-то образом обнаружил, что к нему тоже прижимаются, и Сасукэ напрягся, потому что это было так странно и так неудобно, и Сасукэ ненавидел, когда кто-то прикасался к нему.

Но он не мог заставить себя уйти, потому что она держалась так крепко, и Сасукэ подражал действиям Наруто, поглаживая ее по спине. Он не произнес ни слова, потому что не знал, что сказать, а Наруто, похоже, держал это под контролем.

Сасукэ было не по себе, и ему очень не нравился такой поворот событий, но когда он поднял глаза и увидел, что Джирайя смотрит на них сверху вниз, и выражение лица этого человека мелькает между гневом и замешательством, это заставило Сасукэ опустить взгляд.

Как кто-то мог утешить плачущую девушку?

Но потом... но потом...

Присмотревшись к лицу Мивако, Сасукэ понял, что она не плачет.

Ее не трясло от тоски.

Она прижималась к ним не потому, что нуждалась в утешении.

Она была в ярости.

Ее трясло от гнева.

Она держалась за них, потому что если отпустит, то больше не сможет сдерживаться.

Сасукэ понимал это, потому что много раз испытывал то же самое. Слепая злость на то, что его предал тот, кто был ему дорог. Какаши был ей очень дорог. Он, как уже говорил Сасукэ, был для нее как отец, и его предательство причинило ей боль.

Она не грустила.

Она злилась.

И Сасукэ уже не беспокоило, что она прижимается к нему, потому что Сасукэ и раньше приходилось за что-то цепляться, когда он был так зол, когда ему нужно было что-то, что вернуло бы его голову на землю, чтобы рационализировать его. Сасукэ знал, что ему нужно сделать и что сказать, поэтому он перестал гладить ее, просто положил руку ей на спину, сел и стал ждать.

Сасукэ знал, что бы он сделал на ее месте, чтобы почувствовать себя лучше. Он знал это, но не хотел говорить. Не хотел предлагать. Но в то же время он не мог заставить себя не сделать этого.

Ты хочешь, чтобы я перестал учить Чидори?

Мивако все еще дрожала, но наклонила голову, чтобы посмотреть на него, ее глаза остекленели.

Нет... Нет... Я не виню тебя. Она нужна тебе, чтобы противостоять ему, и я как-то не могу представить тебя без нее. Выучи его. Сохрани.

Сасукэ почувствовал огромное облегчение, и, когда Мивако снова опустила голову, чтобы уткнуться в бок Наруто, Сасукэ протянул другую руку, чтобы погладить ее по голове в утешительном, как он надеялся, жесте. Сасукэ не был уверен, что перестал бы учить Чидори, даже если бы Мивако попросила его об этом, но он был так рад, что ему не пришлось делать этот выбор.

Потому что, хотя он и знал, что не должен заботиться ни о ней, ни о Наруто, какая-то часть его все же заботилась. Он мог представить, как они втроем отслеживают Того Человека. Мивако отслеживала его, а Наруто следил за тем, чтобы никто не помешал их битве и смерти Того Человека. Он представлял себе это с такой легкостью, что это даже вызывало у него чувство некоторого удовлетворения. Сасукэ не хотел, чтобы эта картина исчезла, по крайней мере, пока. Не сейчас.

Эта часть Сасукэ, та, что представляла их, была виновата. Та, что заставляла Сасукэ сидеть неловко, в то время как Мивако тряслась от гнева и пыталась сдержать себя.

Сасукэ не любил чувствовать себя виноватым. Ему вообще было все равно. Теперь он знал, что не может подавить это чувство, и решил заняться чем-то другим. Он решил заняться тем, что у него хорошо получалось.

Он решил разозлиться.

Не на нее (потому что какой от этого толк?), а скорее на того, кто вызвал ее гнев. Ведь если бы он мог направить свой гнев (чувство вины) и на нее, он мог бы уменьшить и свое бремя.

Это было эгоистично. По крайней мере, так говорил себе Сасукэ.

Но почему-то, видя, как девушка, которую он считал своим товарищем, трясется от боли и гнева, не в силах даже стоять, настолько она была подавлена, Сасукэ не чувствовал себя виноватым. Ведь он тоже был зол на этого человека. Он был виноват не меньше, чем Сасукэ, но Сасукэ хотя бы взял на себя ответственность.

По крайней мере, Сасукэ был здесь, рядом с ней, и не бросил ее.

По крайней мере, Сасукэ сожалел о своих поступках и пытался их исправить.

По крайней мере, Сасукэ было не все равно.

Для Сасукэ это было больше, чем то, что он (они) когда-либо делали.

<http://tl.rulate.ru/book/101265/3501607>